15. Роик В. Социальный бюджет – важнейший инструмент реализации прав человека в социальной сфере [Текст]/В.Роик // Человек и труд. – 2010. – №7. – С. 12.

16. Россия в цифрах. 2011 [Текст]: Стат. сб. /Росстат. – М., 2011.

17. Смирнов В. Система управления качеством жизни населения [Текст]/ В. Смирнов //Управление качеством жизни, образования, продукции и окружающей среды в регионах России: Материалы научно-практической конференции – Орел: Орелгту, 2001.- С.9.

18. Соловьев, А. О долгосрочной устойчивости пенсионной реформы [Текст] /А. Соловьев // Экономист. – 2010.-№10. – С. 36.

19. Сухарев, О. Промышленность: кризис и перспектива развития [Текст]/ О.Сухарев //Экономист. – 2011. – №2. – С. 24.

20. Чубарова, Т. Система здравоохранения в России: экономические проблемы теории и практики [Текст]/Т. Чубарова // Вопросы экономики. – 2010. – №4. – С. 129.

21. Щербакова, Е. В 2009 году родилось 1764 тысячи россиян – самое большое число новорожденных после 1991 года [Текст]/Е. Щербакова // Демоскоп Weekly. – 2010. – №409-410. – С. 5-8.

УДК 338.2

В. Д. Свирчевский,
А. Ю. Мишин

ИНТЕРЕСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И ИННОВАЦИОННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В БИЗНЕСЕ

В статье раскрывается тема влияния личностных установок на принятие управленческих решений, взаимосвязи интересов менеджмента и генерируемых им новшеств, с помощью которых решаются поставленные задачи – удовлетворение личных потребностей не только финансовых, но и властных и статусных. С этой точки зрения рассмотрены рыночные реформы в России, приведшие к ослаблению научно-технического потенциала страны, а также тенденции мирового рынка, где меркантильные устремления рыночных агентов разрушительно действуют на реальный сектор экономики и сбалансированность экономических процессов.

Ключевые слова: *деиндустриализация, интересы общества и личный корыстный интерес, российские феномены экономического развития, главное противоречие капитализма, абсентеистская (неосязаемая) собственность, техноструктура.*

UDK 338.2

V. D. Svirchevski,
A. U. Mishin

THE INTERESTS OF MANAGEMENT AND INNOVATIVE INITIATIVES IN BUSINESS

This article is devoted to the topic of the impact of attitudes on the adoption of management ленческих decisions, the relationship of the interests of management and generated their innovations, with the help of which solved the assigned tasks – satisfaction of personal needs-opportunities, not only financial, but also of power and status. From this point of view, consider the market reforms in Russia, led to a weakening of the scientific and technical potential capacity of the country, as well as tendencies of the world market, where the materialistic aspirations of the pkd-night estate agents disturb the real sector of the economy and balancing the validity of the determined economic processes.

Key words: *deindustrialization, the interests of the company and personal selfish interest, Russian phenomena of economic development, the main contradiction of capitalism, (intangible) property, technostructure.*

Важность инновационного развития подчеркивается во всех публичных высказываниях правящей элиты нашей страны. Этот путь рассматривается как единственно верный, позволяющей снизить зависимость экономики от цен на сырье на мировых рынках и повысить значимость России как полноправного участника рынка высоких технологий. Предпринятые шаги, направленные на изменение траектории промышленного развития в сторону усиления роли инновационных аспектов, в определенной мере позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что государство наконец-то от декларативной поддержки отечественной индустрии перешло к конкретным делам для решения проблемы повышения технологического уровня целых отраслей, сохранения и преумножения сохранившихся элементов отраслевой научно-исследовательской структуры. Речь идет об аккумуляции ресурсов в таких высокотехнологичных отраслях, как авио- и судостроение, атомная и оборонная промышленность, о поддержке производителей космической техники. И если для последних участие государства в определении приоритетов развития и соответствующем финансировании научно-исследовательской и производственной деятельности всегда было единственно возможной моделью управления, то для других структур, консолидировавших производственные возможности разрозненных предприятий, работа под эгидой государства – относительно новое явление. Одни аналитики считают, что это возврат к директивной экономике, другие – что это построение новой модели экономического развития – государственного капитализма. Каждая точка зрения опирается на действительные прецеденты и осознание реальных тенденций развития, но выводы бывают диаметрально противоположными.

Для того чтобы оценить справедливость различных точек зрения, необходимо оценить как формы и методы государственного воздействия на отраслевое развитие, так и побудительные мотивы всех сторон – участников процесса трансформации.

Выбор в качестве «локомотивов роста» судостроения и авиационной промышленности, как и атомной индустрии и предприятий ВПК, понятен – эти отрасли всегда были конкурентоспособны, так как со времен «холодной войны» их продукция напрямую конкурировала на рынках вооружений. И когда говорят о низкой конкурентоспособности советских товаров, то речь, как правило, идет о товарах народного потребления. Но промышленный потенциал страны в целом не ставился под сомнение. Не случайно, что в 70-е годы прошлого века считалось общепризнанным, что СССР и США находятся на одной (индустриальной) ступени развития, несмотря на разницу в уровнях производительности труда. Сегодня экономика США находится уже на более высокой, не просто постиндустриальной, а принципиально иной ступени развития, для классификации которой еще нет общепризнанной дефиниции.[1] А экономика России трансформировалась в «экономику трубы», практически выполняя роль сырьевого придатка развитых стран. Возникает вопрос: если пагубность такого сценария осознается (а высказывания политических лидеров говорят об этом), то почему он реализовывался на протяжении последнего десятилетия прошлого века – начала века нынешнего? И какие инновации позволили реализовать этот сценарий, и какие нужны, чтобы изменить траекторию развития?

Ответ на вопрос о прошлом вроде бы не столь сложен. Ведь, в конце концов, как едко заметил Бернард Шоу, «политэкономия – наука, вершащая судьбы цивилизации, занимается только объяснением прошлого». И факты налицо, и цифры позволяют оценить динамику процессов, и роль тех или сил иных можно понять. Но трактовки, касающиеся причинно-следственных связей, иногда диаметрально противоположны, а зачастую эти связи вообще не вскрыты. А между тем «… отбор одной из возможных различных моделей долгосрочного поведения обусловлен накоплением различных событий и возмущений в предшествующие периоды эволюции системы. Данную концепцию можно выразить в двух словах: «история значима»[2]. Так пишет Б. Шаванс об «эффекте исторической обуслов-

[1] Например: технотронное общество (Brzezinski Zb. Between Two Ages. N.Y., 1970.); неоиндустриальная цивилизаця (Осипов Ю. М. Теория хозяйства. Т. 3. Хозяйственная динамика. Трансформация и переходы. Неоэкономическое хозяйство. – 1998).

[2] Шаванс Б. Эволюционный путь от социализма // Вопросы экономики. 1999. №6. – С. 7.

ленности развития». Но ведь переход от социализма к капитализму занял столь мало времени, что возникает вопрос – а действует ли этот эффект, значима ли история? Тем более что глубина трансформации экономической системы такого масштаба позволяет говорить, с одной стороны, об уникальности прецедента, а с другой – об отсутствии инерции системы. Иными словами, уж если такая огромная хозяйственная система изменилась столь быстро, то любые изменения возможны, было бы желание. Однако не все так однозначно, и трансформация экономики России показывает, что, несмотря на быстроту перемен, для изменений потребовалось преодолеть инерцию системы, для чего реализовать новации в сфере управления экономическими процессами. Причем эти новации изначально основывались на том, что задачи макроуровня решат сами экономические агенты, если предоставить им достаточную степень экономической свободы. Почти по А. Смиту, который считал, что сумма личных корыстных интересов образует интересы общества[3]. Но в рыночных отношениях несомненен лишь личный корыстный интерес, но то, что сумма этих интересов образует интересы всего общества – это вопрос спорный. С одной стороны, идея перехода к рынку поддерживалась большинством населения, так как каждый преследовал личные корыстные интересы, надеясь на то, что новая система решит все его проблемы. С другой стороны, в результате рыночной трансформации свои проблемы решила лишь очень узкая группа лиц. И крушение советской системы показывает пример использования суммы интересов большей части населения страны для построения нового, но отнюдь не справедливого общества. Более того, рыночные реформы в России обеспечивали решение не национальных задач, а интересы отдельных лиц и других стран. Речь идет не о «теории заговора», а о сугубо практических интересах. Ведь как допустить на глобальный рынок новых конкурентов, обладающих огромным производственным потенциалом? То, что политическое решение было принято, и Запад приветствовал рыночные реформы в России, не означало, что в жертву этому решению будут принесены интересы корпораций, завоевывавших свои конкурентные позиции в течение длительного времени. И рыночные реформы в России показывают примеры уникальных инноваций, обеспечивавших, с одной стороны, своеобразные условия конвергенции экономики России в глобальный рынок, а, с другой стороны, выживание отечественных товаропроизводителей и занятость экономически активного населения. Причем выражение «с одной и с другой стороны» следует воспринимать буквально: это, действительно, разные стороны «баррикады». Так что же это за инновации, обеспечившие столь быструю трансформацию экономической системы?

Прежде всего, еще раз подчеркнем доминанту эгоистического, корыстного интереса – именно он являлся двигателем реформ. Развал СССР устранил политического конкурента, но как интегрировать в глобальный рынок пусть и ослабленную, но с гигантским производственным потенциалом страну – такую задачу никто и никогда не решал. Капитализм с начала 50-х гг. прошлого века отработал механизм «мягкой» интеграции развивающихся стран в мировое капиталистическое хозяйство. Как правило, в этих странах доминировал аграрный сектор экономики, и задача решалась на пути индустриализации. Постепенно формировалась национальная индустрия, но не сама по себе, а «под руководством» ТНК, которые для этого использовали своеобразную «пятую колонну» – малый бизнес. Организация и поддержка малых предприятий, передача им технологий (в том числе управленческих) и заказов на продукцию, безусловно, способствовала индустриализации – по сути, включая малый бизнес в производственную структуру и логистические цепи корпораций, ТНК создавали уникальные, «тепличные» условия для предприятий развивающихся стран. Но сфера их деятельности определялась в штаб-квартире ТНК, как и технологическая структура производства, и, соответственно, уровень технологи-

[3] «Каждый отдельный человек <…> преследует лишь свою собственную выгоду, причем <…> он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения <…> Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным способом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 2007. – С. 442-443)

ческой зависимости. Пожалуй, единственное исключение – это Китай, который за счет зарубежных эгоистических интересов обеспечил свое технологическое развитие[4].

Ставить задачу индустриализации по отношению к высокоиндустриальной стране абсурдно. Но другой модели не было, а изобретать ее было некогда. Поэтому, на наш взгляд, было принято логичное решение – если неизвестно, как поступить в конкретной ситуации, то надо изменить ситуацию так, чтобы она стала привычной. Иными словами, нужно деиндустриализировать страну, а уже затем использовать апробированную модель интеграции. Причем нужно было это сделать в кратчайшие сроки. И если модель ускоренной индустриализации не вызывает вопросов, то каким образом сделать противоположное?

Как представляется, задача решалась следующим образом. Ускорение темпов научно-технического прогресса требует от производственных предприятий постоянного совершенствование производственного аппарата, перманентного обновления технологий и модернизации производственного процесса. Мировой опыт показывает, что, как правило, каждые пять лет создаются новые усовершенствованные модели, которые по ключевым характеристикам значительно превосходят предыдущие. Судить о состоянии производственного аппарата и динамике внедрения технологических новаций можно на основании показателей износа и возрастной структуры оборудования. На Западе сложилась убежденность, что если износ основных фондов превышает 48%, то предприятие (или отрасль) «никогда не встанет с колен» – оно навсегда проиграло конкурентную борьбу. Но как заставить конкурентов не инвестировать в развитие, в будущее своей компании? Тем более что на начальном периоде реформ всячески подчеркивались преимущества рыночных свобод, когда каждый преследует свои интересы, тем самым, удовлетворяя интересы общества. А рецепт оказался довольно прост. Нужно создать каналы перераспределения финансовых потоков в сферы деятельности, доходность которых значительно выше, чем уровень прибыли в индустриальном секторе. Но, отвлекая инвестиционные ресурсы из промышленности, тем самым укрепляются другие сферы деятельности, ведь поднимается их уровень конкурентоспособности. Поэтому такое перераспределение лишь частично решает задачу, если только сфера «притяжения» финансов никогда не станет опасной для заграничных конкурентов. И такая система, включающая два главных компонента, была создана. Первый компонент – это банковская система, которая кредитовалась государством под лозунгом обеспечения потребностей отечественной индустрии, причем кредитные ресурсы предоставлялись под отрицательный процент, если учитывать инфляцию. Такого института, как коммерческий банк, в СССР не было, поэтому речь идет о том, что система создавалась «с нуля». И в обычных обстоятельствах, без катализатора в виде государственных ресурсов, формирование банковской сферы заняло бы гораздо больше времени, ведь рассчитывать на средства населения не приходилось – их попросту не стало в результате «Павловской» реформы. А между тем динамика процесса поражает: первый коммерческий банк – кооперативный банк «Патент» – был зарегистрирован в Ленинграде в августе 1988 г., а уже в 1991 г. число коммерческих банков превысило 1200 единиц. «Мировая банковская история не знает аналога тому, что произошло в России. За кратчайший срок в стране возникло более 2500 самостоятельных банков, немало кредитных организаций, осуществляющих отдельные банков-

[4] Для привлечения иностранных инвесторов руководство Китая создало уникальный инвестиционный климат. Ставилось только три условия: если ввозится современная технология (причем речь идет о комплектной технологии, не переделов), то инвестор самостоятельно распоряжается произведенной продукцией, частично или полностью освобождается от налогов, но он обязан, во-первых, обеспечить оплату труда в размере не ниже, чем стоит «железная миска риса»; во-вторых, обучить местных работников выполнению всех функций производства и управления; в-третьих, через некоторое время «уйти», оставив производство в Китае, имея в виду, что низкие издержки на оплату труда и свобода выбора рынка для реализации продукции в совокупности с освобождением от налогов принесут ему достаточно высокую прибыль. Такая схема позволяла привлечь современные технологии и обучить персонал, тем самым формируя национальный технологический уклад на базе относительно современных оборудования и технологиях.

Таблица 1

Физический износ машин и оборудования в отраслях экономики России, %

Год	Промышленность	Сельское хозяйство	Строительство	Транспорт
1995	64,8	56,6	64,6	63,0
1996	66,2	59,6	67,5	64,6
1997	68,4	64,4	65,5	64,1
1998	68,1	66,9	65,3	64,1
1999	66,5	67,9	62,1	62,4
2000	62,7	66,4	57,0	56,5
2003	58,6	51,0	48,0	34,4
2004	57,3	46,5	47,9	36,5

* *Источник*: Балацкий Е.В., Гусев А.Б. Железная логика – 3/ Независимая газета от 23.20.2008 (http://www.ng.ru/science/2008-04-23/20_logics.html)

ские функции. Для сопоставления: США, чтобы создать 1000 банков, потребовалось около 80 лет – с 1781 по 1860 г.»[5]. Однако «… многие банки создавались криминальными структурами. Но ведь в те годы учредить «карманный» банк было, увы, нехитрым делом… Достаточно было … 10 тыс. рублей <уставного капитала>. Так что деньги от фальшивых авизо, помимо финансирования «респектабельной» деятельности по созданию криминализированных банков, шли на содержание «киллерских» команд, подкуп чиновников, нечистоплотные сделки по приобретению производственных мощностей»[6]. Время все расставило по своим местам – по оценке ЦБ РФ, к концу 2011 г. число банков в России сократится до 910-920[7], и процесс резкого сокращения числа кредитных учреждений идет с 1998 г.

Но свою роль они сыграли – в кратчайшие сроки в стране была создана система перераспределения финансовых потоков в пользу высокодоходных спекулятивных секторов – государственных ценных бумаг, доходность по которым превышала даже гипотетические прибыли производственного сектора – непосредственно перед кризисом 1998 г. доходность ГКО достигала 140%. Первый выпуск ГКО состоялся 18 мая 1993 г., а к 1998 г. рынок ГКО стал основным источником финансирования дефицита российского бюджета. Примечательно, что введение этого инструмента обосновывалось, прежде всего, тем, что отечественные предприятия не могут пополнять бюджет страны и, соответственно, нужны иные источники поступления средств, необходимых для выполнения государством своих функций. Однако отечественная промышленность показала удивительную устойчивость – убыточные предприятия в 1990-1993 гг. составляли 7-8%, но уже в 1994 г. их доля достигла 22,6%, а, начиная с 1996 г. практически каждое второе промышленное предприятие было убыточным[8]. Вряд ли такие временные совпадения случайны.

Таким образом, к 1994 г. были созданы каналы перераспределения финансовых потоков и спекулятивные инструменты с доходностью, намного превышающей потенциал промышленного производства. Эти обстоятельства обусловили процесс оттока инвестиционных ресурсов из промышленности, т.к. даже имеющиеся свободные средства использовались менеджментом многих промышленных предприятий для игры на спекулятивном рынке со сверхвысокой доходностью. В результате процесс перевооружения и реконструкции производства резко замедлился, а износ основных фондов достиг к 1995 г. величин, которые западная экономическая мысль считает критическими для конкурентоспособности предприятий, а затем и превысил его (табл. 1).

---

[5] Деньги, кредит, банки: Учебник / Под ред. О.И. Лаврушина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2000. – С. 251.

[6] Степашин С.В. Интервью председателя Счетной палаты РФ / Независимая газета, 28.09.2006.

[7] http://www.forbes.ru/news/68284-tsb-rf-chislo-bankov-v-rossii-v-2011-godu-sokratitsya-do-910-920

[8] Российский статистический ежегодник. Официальное издание. 1997. М.: Госкомстат России. 1997. – С. 530.

Таблица 2

*Средний возраст производственного оборудования в промышленности России и США, лет**

Год	США	Россия	Отставание России от США, раз
1970	5,6	8,4	1,5
1980	4,8	9,5	2,0
1990	5,6	10,8	1,9
1995	5,6	14,3	2,6
1996	5,6	15,2	2,7
1997	5,5	16,1	2,9
1998	5,5	17,0	3,1
1999	5,6	17,9	3,2
2000	5,7	18,7	3,3
2001	5,9	19,4	3,3
2002	6,2	20,1	3,2
2003	6,5	20,7	3,2
2004	6,8	21,2	3,1
2005	6,9	Н/Д	–
2006	6,9	Н/Д	–

* *Источник*: Балацкий Е.В., Гусев А.Б. Железная логика – 3/ Независимая газета от 23.20.2008 (http://www.ng.ru/science/2008-04-23/20_logics.html)

Сегодня средний возраст оборудования машиностроительных предприятий России составляет более чем 20 лет, около 40% оборудования было произведено до девяностых годов прошлого века[9], отставание от США нарастает (табл. 2).

Таким образом, поставленная задача – деиндустриализировать высокоиндустриальную страну – была, на первый взгляд, выполнена с помощью двух институциональных нововведений, обеспечивающих движение финансовых потоков в нужную для этого сторону. Однако проявился ряд российских феноменов, не позволивших до конца реализовать такой сценарий.

Так, например, использование в хозяйственной деятельности промышленных предприятий квазиденег (денежных суррогатов – векселя, бартер и т. п.), позволило реализовать стратегию выживания многим отечественным предприятиям. И это – один из российских феноменов, позволивших сохранить определенный промышленный потенциал страны. Однако бартер позволял «держаться на плаву», но использовать его для получения инвестиционных ресурсов – задача невыполнимая.

Второй российский феномен – противодействие менеджмента и владельцев промышленных активов, когда «неэффективный собственник» (еще один отечественный феномен, порожденный ускоренной приватизацией) не желал вкладывать средства в будущее предприятия, а управленцы этому всячески противились, в том числе «урывая» средства для инвестирования за счет искажения данных, представляемых акционерам[10].

Но «для крупного российского бизнеса одна и та же группа физических лиц является одновременно и крупнейшими акционерами (прямо или косвенно), и топменеджерами. Часты и случаи, когда основной собственник играет решающую роль в управлении, не занимая формальных ключевых позиций. Еще одна особенность крупного российского бизнеса – специфическое соотношение прав и обязанностей собственника. Последний не может не принимать действенного участия в процессе текущего функционирования объекта собственности… <иначе> он не сможет реализовать свои права»[11]. И в данном случае, как представляется, проявляется еще один свое-

[9] http://www.umpro.ru/index.php?page_id=17&art_id_1=167&group_id_4=62

[10] См., например, Зарасов Р.С., Новоженов Д.В. Инвестиционное поведение российских корпораций в условиях инсайдерского контроля // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 5.

[11] Паппэ Я. Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования, 2002. № 2. С. – 86, 87.

образный российский феномен, антипод предыдущему: если на Западе именно отделение прав собственности от управления стало основой перехода современных корпораций от краткосрочной к долгосрочной стратегии развития, то в российских условиях слияние прав собственности и управления генерирует появление долгосрочной стратегии развития корпораций.

Еще один аспект, связанный с владением активами, также показывает своеобразие российских реформ. Лев Гумилев описывая становление этносов, разделял два периода – период героев (период альтруизма) и период храбрецов, откровенно корыстных. Первый – это когда «идеалы альтруистичны и героичны», период «антиэгоизма»[12], а второй – когда речь об идеалах не идет. Представляется, что трансформацию основ хозяйствования, произошедшую в нашей стране, вполне можно приравнять к смене общественно-экономической формации, к становлению нового «экономического этноса». Но революционная динамика процесса смешала периоды, породив российский феномен – идеалистичных корыстных эгоистов, распоряжающихся бывшей всенародной собственностью. Как ни парадоксально, у большинства предпринимателей первой волны господствовали идеалистические установки, в том числе о всемогуществе «невидимой руки рынка» и вседозволенности, основанной на могуществе денег. Но «дельцы … не верят в душу и потому, в конце концов, перестают верить в разум. Они слишком практичны, чтобы быть хорошими … Им кажется, что деньги будут сражаться, когда люди уже не могут…» – так, по нашему мнению, англичанин Честертон[13] обрисовал ловушку для российского предпринимателя. Реформы создали большие проблемы не только для большинства населения, но и для тех, кто получил собственность из рук власти. Так, одной из проблем является права собственности в контексте отношения к ним. Зыбкость и потенциальная нелегитимность прав собственности в современной России во многом связаны с состоянием общественного мнения: российское население считает произошедшее в 1990-х гг. распределение прав собственности несправедливым. Здесь надо говорить именно о потенциальной нелегитимности: сегодня распределение прав собственности может считаться законным, но, если возникает конфликт между государством и бизнесом, права последнего мгновенно становятся зыбкими. Нынешнее российское государство может в любой момент изменить законодательство, обратив изменения против того или иного собственника, и никто не сможет ему помешать – ни ссылки на обратную силу закона, ни общественное мнение. Поэтому достаточно скромная динамика инвестирования в реальный сектор экономики показывает не столько нежелание собственников вкладываться в будущее своих предприятий, сколько опасения за будущее своей собственности.

Еще один российский феномен – феномен вынужденного предпринимательства. Если на Западе свое дело открывают для реализации своих идей, то многие россияне занялись бизнесом для того, чтобы обеспечить физическое существование своих семей. Когда градообразующие предприятия (а таких в России около семидесяти) «легли на бок» в результате рыночных реформ, лишивших их такого крупного заказчика, как государство, при разрыве хозяйственных связей и недофинансировании любой производственной деятельности (свободные средства ведь обращались на спекулятивном рынке), то задержки выплаты зарплаты, неоплачиваемые отпуска, массовые увольнения стали характерными приметами 90-х гг. прошлого века. Поэтому иной модели физического существования, как проявление частной инициативы, у многих людей просто не было. Не случайно, что среди «челноков», которых, по разным оценкам было от 2,5 до 5 миллионов, у 90% было высшее образование. Да, они попали в так называемую «петлю вторичной занятости», когда, не имея возможности получать адекватную зарплату на основном месте работы, люди ищут «подработку», теряя основную квалификацию, и не приобретая новой. Но парадокс заключался в том, что навыки ведения бизнеса (пусть и в такой специфической форме, как челночная торговля) действительно приобретались, позволяя критически оценивать рыночные реа-

[12] Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Азбука-классик, 2002. – С. 157, 158.

[13] Честертон Гильберт Кит (1874-1936) – английский государственный деятель, писатель.

лии и приспосабливаться к ним, а квалификация «технарей» оставалась адекватной требованиям имеющегося производственного аппарата. Не случайно, что инвестиционный бум 1999-2001 гг. на треть обеспечивался за счет установки оборудования, выпущенного еще в советские годы, – избыточных мощностей, никогда не использовавшихся, но, соответственно, сохранивших свои физические параметры. А для такого оборудования ранее полученная квалификация была вполне достаточна. Это еще один российский феномен – техническое перевооружение на базе морально устаревшего оборудования, для использования которого не нужна более высокая, чем полученная ранее, квалификация.

Говоря о задержках выплаты зарплат, стоит отметить, что такое же положение было и с пенсиями. При этом протестные действия людей были гораздо менее активными, чем во время распада СССР, когда забастовочное движение, митинги и демонстрации были связаны с политическими проблемами. Таким образом, можно говорить об отсутствии механизмов институциональной ригидности[14], которые позволили финансировать производство «в долг», тем самым хоть в какой-то мере демпфируя последствия хронического недофинансирования. «30-миллиардный долг по зарплате работникам, накопленный в кризисное десятилетие, до сих пор числится за негосударственным сектором экономики и практически не уменьшается. Этот кредит, который, в сущности, предоставило население бизнесу (именно благодаря этому в первую очередь и не рухнула российская экономика), окончательно превратился не только в беспроцентный, но и в бессрочный»[15]. И изыскание внутренних ресурсов, невозможных на Западе, также можно отнести к российским феноменам.

Таким образом, негативное воздействие на индустриальный сектор страны было колоссальным, но окончательной деградации не произошло. И страна участвует в глобальных экономических процессах, как промышленная держава, способная пока еще конкурировать на мировых рынках в таких сферах, как производство вооружений и атомная энергетика. Но модель деиндустриализации, как и противодействие этому процессу, вызваны к жизни эгоистическими интересами управленцев – как политиков, тех, кто управляет процессами на макроуровне, так и тех, кто связывает свое будущее с будущим фирмы, которой он владеет или управляет. Однако в любом случае все участники процесса, независимо от масштабов деятельности и роли, ими выполняемой, инициировали массу инноваций, позволяющих одним реализовывать свои планы переустройства рыночного пространства, а другим – противодействовать негативным последствиям новшеств, затрагивающих их интересы. Что и нашло свое проявление в целом ряде российских феноменов.

Столь долгий экскурс в историю неудавшейся, к счастью, деиндустриализации, связан с тем, что процессы отвлечения ресурсов из сферы материального производства вышли на новый уровень – на уровень глобальной экономики. Речь идет о причинах мирового кризиса 2008-2009 гг., первопричина которого связана отнюдь не с деятельностью товаропроизводителей. Сектор экономики, не контролируемый никем и ничем – рынок деривативов – стал и катализатором кризиса, и источником дезинформирующей информации о рыночных тенденциях для производственных предприятий.

И в этой связи нужно подчеркнуть отсутствие ограничений, свойственных сфере материального производства и на рынке производных финансовых инструментов. Причем речь идет об отсутствии законода-

[14] Наличие социальных и экономических механизмов, допускающих изменение фундаментальных рыночных переменных только в одном направлении (препятствующих обратным изменениям). Кстати сказать, в условиях России отсутствие механизмов институциональной ригидности, что проявлялось в задолженности по заработной плате бюджетникам, работникам государственных и негосударственных предприятий, пенсий, пособий и т.п. – один из факторов, который способствовал принятию концепции «шоковой терапии», но который, как ни парадоксально, «снизил» социальные издержки реформ.

[15] Свирчевский В, Чеботарев В. Настоящая собственность и настоящие собственники. Статья 2. Бизнес и социальная потребность. Собственность и общество // Собственность и рынок, 2004, №8. С. – 16.

тельных рамок, регулирующих деятельность на этих рынках. Следовательно, по прежнему актуальна точка зрения Т. Веблена, который считал, что «институты – это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени»[16].

Но что и как надо регулировать? Ведь метод проб и ошибок, по которому идут государства, пытаясь преодолеть последствия кризиса, и самый долгий, и не гарантирующий от ошибок в будущем. А для этого нужен новый подход к построению теорий, объясняющих закономерности развития современной экономики.

Представляется, что современная экономика неоднородна и состоит, условно говоря, из двух частей: одной – в которой производятся материальные товары и услуги, связанные с социальными и физиологическими потребностями человека, и второй – в которой финансовые реальные и виртуальные потоки обслуживают спекулятивный рынок, на котором обращается абсентеистская собственность[17]. Причем в первом секторе действуют достаточно многочисленные нормы регулирования, а во втором – таких норм нет. При этом, во-первых, тенденции виртуального рынка дают неверные импульсы для реального сектора, а, во-вторых, отвлекают финансовые ресурсы из процессов инвестирования в совершенствование технологической базы на спекулятивный рынок. Парадокс такого взаимодействия состоит в том, что рост цен на рынке деривативов (достаточно вспомнить цены на нефть, выросшие за короткий отрезок времени в три раза) воспринимался реальным сектором в рамках классической экономической теории: рост цен есть сигнал неудовлетворенности спроса, следовательно, необходимо увеличить предложение, что требует капиталовложений в производство. Ресурсы для инвестирования привлекались на рынке заимствований, увеличивая при этом базу дефолтных свопов – «финансовых инструментов массового поражения» (Уоррен Баффет). При этом рост числа игроков на фондовом рынке требовал все больше финансовых средств, сужая, тем самым, инвестиционную базу реального сектора экономики. И когда виртуальный пузырь лопнул, выяснилось, что, во-первых, не нужно столько нефти, стали, автомобилей, да еще по такой цене, а, во-вторых, производственные гиганты, вложившие средства в расширение производства, оказались в условиях сокращения реального спроса с одновременной необходимостью возврата кредитов, потраченных на увеличение производства, банкам, у которых запас финансовой устойчивости крайне мал (достаточно сказать, что у многих кредитных учреждений самым крупным активом были дефолтные свопы).

Но реальный сектор – это и своеобразный «якорь» экономики, не дающий ей «улететь» на виртуальном пузыре на такую «высоту», падение с которой приведет к полному развалу рыночных механизмов в целом.

Подчеркнем, что особенность механизмов экономических кризисов требует специальных исследований, пересмотра многих постулатов экономической теории. По сути дела можно говорить о кризисе понятий экономической теории в эпоху виртуальности. Обращаясь к идее Аристотеля, можно сказать, что фактическое разделение современного мирового хозяйства на экономику (ведение хозяйственной деятельности) и хрематистику (обогащение на виртуальном рынке), требует адекватного отражения в экономической науке с тем, чтобы создать теоретическую базу для принятия решений по изменению системы институтов, посредством которых государство влияет на экономику. Сами по себе принципы регулирования понятны. С одной стороны, минимизация управленческого воздействия на

[16] Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. С. 202.

[17] К абсентеистской (неосязаемой) Т. Веблен относил акции, облигации и другие ценные бумаги, представляющей фиктивный, но приносящий огромные спекулятивные доходы, капитал. В результате рост абсентеистской собственности во много раз превосходит увеличение стоимости материальных активов корпораций. Финансовая олигархия получает все большую часть своих доходов за счет операций с фиктивным капиталом, а не за счет роста производства, повышения его эффективности. К этому нужно добавить, что особенностью деривативов является то, что обязательства по ним не связаны с поставкой «базовых активов», т.е. реальных товаров, обращающихся на бирже.

сектор, имеющий «естественные» ограничения (мощности, кадры, сырье, материалы, рынки сбыта и т.п.) – сферу материального производства. С другой – формирование системы регулирования сектора, в котором нет ни ресурсных, ни финансовых ограничений, а рынок сбыта «раздувается» до неимоверных величин[18], пока «виртуальный пузырь» не лопнет.

При всей простоте принципа его реализация требует немалой работы по пересмотру постулатов экономической науки. В противном случае длительность поиска наиболее эффективных инструментов, обеспечивающих макроэкономическое равновесие (этот «старый» термин должен наполниться новым содержанием), будет велика, и насколько разрушительны будут кризисы в это время – можно только гадать. Конечно, в конце концов, эффективные механизмы регуляции будут созданы, но методом проб и ошибок, что вряд ли можно будет отнести к достижениям экономической науки.

Но мировой экономический кризис подчеркнул ту самую особенность инновационной активности менеджмента, которая связана с корыстными интересами управленцев. Ведь тенденция к доминированию финансового сектора была замечена не сегодня. Так, еще в начале XX в., говоря о финансовом капитале, Р. Гильфердинг (теоретик австромарксизма) отмечал, что «он нуждается в политически сильном государстве. Ему нужно государство, которое повсюду в мире может осуществлять вмешательство, чтобы весь мир превратить в сферу приложения своего финансового капитала»[19]. Но то, что такой сценарий не может привести к позитивным изменениям, было понятно уже тогда. Так, в работе «Абсентеистская собственность и предпринимательство в новое время», написанной в 1923 г., Т. Веблен излагает свои взгляды на главное противоречие капитализма – на противоречие между «бизнесом» и «индустрией». Понимая под бизнесом сферу обращения (биржевые спекуляции, торговлю, кредит), он считал, что представители бизнеса ориентированы исключительно на прибыль и производство как таковое их не волнует. Их господство основано на абсентеистской (неосязаемой) собственности (акции, облигации и другие ценные бумаги), представляющей фиктивный, но приносящий огромные спекулятивные доходы капитал. В результате рост абсентеистской собственности во много раз превосходит увеличение стоимости материальных активов корпораций. Финансовая олигархия получает все большую часть своих доходов за счет операций с фиктивным капиталом, а не за счет роста производства, повышения его эффективности. Блестящая характеристика процессов, характерных для первого десятилетия XXI в.!

Корыстные интересы менеджмента были всегда и будут и в будущем во многом определять специфику экономического развития. Для собственника это означает необходимость постоянного совершенствования контроля над теми потоками ресурсов, которыми ежедневно управляют менеджеры, а для государства задача формулируется по иному. В отличие от мониторинга, используемого в практике управления и позволяющего минимизировать потерю ресурсов в результате действий технострактуры[20], государству только предстоит выработать новые подходы к регулированию социально-экономических процессов. Ведь макроэкономическое равновесие обеспечивается сейчас с помощью механизмов, в основе которых

[18] По разным оценкам рынок деривативов уже превышает квадриллион долларов США, в том числе дефолтные свопы – 60 трлн. долларов, в то время как ВВП всей нашей планеты также оценивается примерно в 60 трлн. долларов.

[19] Экономическая теория: Хрестоматия. М., 1995. С. 397.

[20] Дж. Гелбрейт еще в 60-е годы прошлого века описал совершенно новый механизм управления корпорацией (Гелбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. – М.: ЭКСМО, 2008). То, что акционеры отдали власть менеджерам, было показано еще в 1930-е гг. Гэлбрейт же развил теорию революции управляющих (менеджерианская революция) и сформулировал странный, на первый взгляд, тезис: даже не высший менеджмент правит там бал, а технострактура в целом. Технострактура – это все квалифицированные специалисты корпорации сверху донизу. Все, кто обладает каким-то знанием, не имеющимся у других. Современное производство настолько сложно, что никто не способен охватить его целиком в своем сознании. Следовательно, любые решения готовятся и даже фактически принимаются специалистами низшего или среднего уровней. Высший менеджмент лишь утверждает их.

лежит «классическое» представление о факторах спроса и предложения, об инвестиционных мультипликаторах, о возможностях воздействия на рынок с помощью регулирования денежной массы и государственной политики ценообразования, о необходимости противодействия деструктивным действиям монополий, о стимулирующих механизмах инновационно-технологического развития и др., которые касаются, прежде всего, товаропроизводителей. А между тем проблему обеспечения динамического равновесия рынка эти механизмы не решают – речь идет о равновесии между реальными и виртуальными секторами экономики в том смысле, что движение ресурсов не обескровит производство, а тенденции спроса будут отражать реальные потребности рынка. Но что делать производственникам сейчас, когда никаких реальных механизмов противодействия эгоистическим интересам бизнеса (по терминологии Т. Веблена) нет, и поиск их вряд ли можно назвать активным? Да и экспансия иностранных товаропроизводителей (прежде всего, китайских) разрушает структуру национальной индустрии. Кажется, что формирование стратегии развития в условиях, когда тенденции будущего определяются не действиями конкурента, не новыми технологиями или материалами, не промышленной политикой страны, а расширяющимися возможностями стяжательства с использованием технических возможностей виртуальной среды, задача в принципе не решаемая, ведь прогноз невозможен. Но практика бизнеса всегда шла впереди экономической теории и изобретала механизмы управления, позволяющие остаться на плаву в условиях любой неопределенности. О них и пойдет речь в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 336 с.

2. Гелбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. – М.: ЭКСМО, 2008. – 602 с.

3. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. – СПб.: Азбука-классик, 2002. – 356 с.

4. Деньги, кредит, банки: Учебник / Под ред. О.И. Лаврушина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 464 с.

5. Зарасов Р.С., Новоженов Д.В. Инвестиционное поведение российских корпораций в условиях инсайдерского контроля // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 5. – С. 15-22.

6. Осипов Ю. М. Теория хозяйства. Т. 3. Хозяйственная динамика. Трансформация и переходы. Неоэкономическое хозяйство. – М., 1998. – 389 с.

7. Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования, 2002. № 2. – С. 34-47.

8. Российский статистический ежегодник. Официальное издание. 1997. М.: Госкомстат России, 1997. – 320 с.

9. Свирчевский В., Чеботарев В. Настоящая собственность и настоящие собственники. Статья 2. Бизнес и социальная потребность. Собственность и общество // Собственность и рынок, 2004, №8. – С. 24-31.

10. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 2007. – 401 с.

11. Шаванс Б. Эволюционный путь от социализма // Вопросы экономики. 1999. №6. – С. 32-40.

12. Brzezinski Zb. Between Two Ages. N.Y., 1970. – 320 p.